Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-182-188

ШЕСТАКОВ Павел Андреевич,
аспирант кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Института философии и права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
e-mail: kempravo@gmail.com

Научный руководитель:
ЛИСИЦА Валерий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Института философии и права НГУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕЙ ПРИ СОЗДАНИИ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ПРОДУКТОВ: ВОПРОСЫ АВТОРСТВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье исследуются гражданско-правовые вопросы использования генеративных нейросетей при создании мультимедийных продуктов. Показано, что для российской правовой системы определяющее значение имеет не сам факт применения технологии искусственного интеллекта, а наличие человеческого творческого труда, позволяющего квалифицировать результат как охраняемый результат интеллектуальной деятельности. Выделяются и анализируются основные подходы к вопросу авторства при использовании искусственного интеллекта: отрицание возникновения авторских прав на автономно сгенерированный результат; закрепление прав за организацией, разработавшей либо организовавшей функционирование соответствующей системы; признание авторских прав за лицом, которое создало конечный результат при наличии творческого вклада и контролируемого участия в процессе генерации. Дополнительно рассматриваются промежуточные модели, включая конструкции человеческого соавторства и предложения о специальных, неавторских режимах охраны. Обосновывается, что нейросеть не может рассматриваться ни автором, ни субъектом права; она выступает технологическим инструментом, используемым при создании сложного объекта. В качестве доктринального стандарта предлагается принцип контролируемого творчества, включающий творческий вклад, контроль процесса, оригинальность результата и сложность запроса в ее доказательственном, а не самостоятельном значении. Формулируются предложения для договорной практики и для дальнейшего развития толкования части четвертой ГК РФ.*

Ключевые слова: *нейросети; искусственный интеллект; авторское право; интеллектуальная собственность; мультимедийный продукт; сложный объект; творческий вклад; контроль процесса; правовая ответственность.*

SHESTAKOV Pavel Andreevich,
Postgraduate student of the Department of Entrepreneurial Law,
Civil and Arbitration Procedure, Institute of Philosophy and Law,
Novosibirsk National Research State University

Scientific supervisor:
LISITSA Valeriy N.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Entrepreneurial Law,
Civil and Arbitration Procedure,
Institute of Philosophy and Law, NSU

THE USE OF NEURAL NETWORKS IN THE CREATION OF MULTIMEDIA PRODUCTS: ISSUES OF AUTHORSHIP AND LEGAL REGULATION

Annotation. *The article examines civil-law issues arising from the use of generative neural networks in the creation of multimedia products. It argues that, within the Russian legal system, the decisive factor is not the mere use of artificial intelligence technology but the presence of human creative labour sufficient to qualify the output as a protectable intellectual result. The paper identifies and analyses the main approaches to authorship in AI-assisted creation: denial of copyright in purely autonomous outputs; attribution of rights to the organization that developed or organized the relevant AI system; and recognition of copyright in favour of the person who created the final result where creative contribution and controlled participation can be established. Intermediate models are also considered, including human co-authorship constructions and proposals for special non-copyright forms of protection. The article substantiates that a neural network cannot be treated either as an author or as a subject of law; it serves only as a technological instrument used in the creation of a complex object. As a doctrinal standard, the paper proposes the principle of controlled creativity, comprising creative contribution, control over the process, originality of the result, and prompt complexity understood in its evidentiary rather than autonomous meaning. Recommendations are formulated for contractual practice and for the further interpretation of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation.*

Key words: *neural networks; artificial intelligence; copyright; intellectual property; multimedia product; complex object; creative contribution; control over the process; liability.*

Введение

Использование нейросетей в создании сложных объектов, к числу которых относится мультимедийный продукт, из экспериментальной практики стремительно превратилось в повседневный инструмент креативных индустрий. При разработке видеоигр, мобильных приложений, образовательных платформ, продуктов дополненной и виртуальной реальности генеративные модели применяются для подготовки концепт-арта, текстур, диалогов, музыкальных фрагментов, синтеза речи, сценария и элементов персонализации пользовательского опыта. В результате изменяется не только технологический процесс, но и вся юридическая архитектура прав на конечный продукт: возрастает риск неопределенности цепочки прав на элементы сложного объекта, а также риск предъявления претензий о нарушении исключительных прав при генерации сходных результатов [1, с. 24–28; 4, с. 131–139].

Для российской цивилистики данная проблема имеет двойную значимость. С одной стороны, речь идет о квалификации результатов, включаемых в состав мультимедийного продукта как сложного объекта в смысле статьи 1240 ГК РФ. С другой стороны, возникает вопрос о пределах авторско-правовой охраны там, где существенная часть формы результата создается алгоритмически. В этих условиях одинаково уязвимы и позиция, при которой всякий пользователь нейросети автоматически объявляется автором, и противоположная позиция, полностью отрицающая возможность охраны любого результата генерации. Обе конструкции игнорируют категорию творческого труда и специфику управления процессом создания результата [3, с. 100–113; 5, с. 120–132].

Степень научной разработанности проблемы уже не позволяет говорить лишь о ее постановке. В отечественной литературе сформировались самостоятельные линии обсуждения, касающиеся правового режима результатов, созданных с использованием искусственного интеллекта, субъектного состава правоотношений, условий охраноспособности, распределения ответственности и договорной архитектуры. Одновременно зарубежная литература, опубликованная в рецензируемых изданиях, последовательно исходит из приоритета человеческого контроля над выразительными элементами результата [13; 14].

Цель настоящей статьи состоит в выработке гражданско-правового подхода к определению авторства и распределению прав при использовании нейросетей в процессе создания мультимедийных продуктов. Для достижения данной цели необходимо: раскрыть соотношение понятий «искусственный интеллект», «нейросеть» и «мультимедийный продукт»; проанализировать основные подходы к вопросу авторства при использовании ИИ; уточнить авторскую позицию относительно принадлежности прав на результат; предложить критерии разграничения охраняемого результата и автономной генерации; определить практические ориентиры для договорного оформления и распределения ответственности. Методологическую основу статьи составляют формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы.

Нейросеть и мультимедийный продукт как объекты гражданско-правового анализа

Отправной точкой исследования выступает разграничение общего понятия искусственного интеллекта и более узкого понятия нейросети. В нормативном смысле искусственный интеллект понимается как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека либо превосходящие их. Нейросеть в этом ряду следует рассматривать как конкретную математическую модель, программно реализуемую на ЭВМ и используемую для генерации, преобразования или комбинирования данных по заданию человека. Такое разграничение важно потому, что в юридической литературе нередко смешиваются уровень общей технологии, уровень конкретной модели и уровень ее гражданско-правовой квалификации [2, с. 32–40; 3, с. 100–104].

Не менее принципиален вопрос о субъекте права. Российская правовая традиция связывает участие в правоотношениях с человеком либо с объединениями людей. В этой связи сама постановка вопроса о признании нейросети автором или самостоятельным субъектом гражданских прав в сфере авторского права представляется методологически ошибочной. Искусственный интеллект, даже при высокой степени автономности, не может быть отождествлен с носителем субъективных авторских прав. Справедливо отмечается, что преждевременное наделение ИИ правосубъектностью не устраняет пробелы регулирования, а размывает базовые конструкции частного права [2, с. 36–40; 4, с. 131–139].

Для целей настоящей статьи принципиально важно и то, что мультимедийный продукт уже упомянут законодателем в статье 1240 ГК РФ как разновидность сложного объекта. Вместе с тем это упоминание не снимает дискуссию о содержании понятия. В доктрине обоснованно подчеркивается, что мультимедийный продукт не сводится ни к программе для ЭВМ, ни к аудиовизуальному произведению, ни к базе данных, хотя и может включать все названные элементы в своем составе [10, с. 36–42; 11, с. 54–57]. Его специфика раскрывается через сочетание нескольких признаков: цифровой формы выражения, многокомпонентного состава, общего функционального или художественного замысла и интерактивности как способности реагировать на действия пользователя.

Такая конструкция согласуется и с классическим учением о сложных объектах. В. А. Дозорцев, раскрывая правовой режим многослойных результатов, указывал, что различные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности объединяются в единое целое и получают новое функциональное либо художественное назначение [12, с. 143–170]. Именно поэтому вопрос об авторстве на отдельный сгенерированный элемент не может рассматриваться в отрыве от вопроса о правовом режиме всего мультимедийного продукта. Ненадлежащая квалификация одного графического, музыкального, текстового или анимационного фрагмента способна поставить под сомнение устойчивость дальнейшего оборота всего сложного объекта.

Основные подходы к определению авторства при использовании искусственного интеллекта

Современная доктрина позволяет выделить по меньшей мере три устойчивых подхода к вопросу о том, кому должны принадлежать права на результат, созданный с использованием искусственного интеллекта.

Первый подход исходит из того, что авторские права на автономно сгенерированный результат не возникают. Его сторонники связывают авторско-правовую охрану с человеческим творчеством и, соответственно, полагают, что при отсутствии достаточного личного творческого участия человека результат генерации не образует произведения как объекта авторского права. В этой логике нейросеть производит информационный, но не авторско-правовой результат, а потому оснований для возникновения исключительного права не появляется [3, с. 100–113; 6, с. 63–73].

Второй подход связывает права на соответствующий результат с организацией, разработавшей нейросеть, либо с лицом, организовавшим ее функционирование и профинансировавшим процесс создания результата. В отечественной литературе данная модель чаще раскрывается шире: как возможность закрепления прав за разработчиком искусственного интеллекта, организатором процесса, инвестором либо пользователем. Однако сама идея такого подхода строится не на признании машинного авторства, а на поиске субъекта, который мог бы получить правовую охрану в силу организационной, технологической или инвестиционной роли [1, с. 29–38; 9, с. 96–104].

Третий подход, которого придерживается и автор настоящей статьи, состоит в том, что авторские права должны принадлежать лицу, которое создало конечный результат, но лишь при условии, что такое лицо действительно внесло творческий вклад и контролировало процесс формирования результата. Иначе говоря, не всякий пользователь нейросети автоматически становится автором, однако лицо, сформировавшее

замысел, задавшее параметры, последовательно корректировавшее генерацию, отобравшее варианты и доведшее результат до окончательной формы, должно рассматриваться как автор соответствующего произведения [5, с. 120–132; 7, с. 51–54]. В таком случае нейросеть выступает инструментом творческой деятельности, а не самостоятельным субъектом права.

Наряду с названными тремя моделями в литературе прослеживаются и дополнительные, промежуточные подходы. Во-первых, обсуждается возможность соавторства между несколькими людьми, участвующими в создании результата с использованием генеративного ИИ, если каждый из них вносит самостоятельный творческий вклад в единый итоговый объект. При этом речь идет именно о человеческом соавторстве, а не о включении нейросети в число соавторов [8, с. 97–110]. Во-вторых, предлагаются конструкции специальной охраны, близкой к смежным правам либо к sui generis-режиму, когда результат, созданный ИИ, охраняется не как классическое произведение, а как особый объект гражданского оборота [6, с. 63–73; 9, с. 96–104].

Сопоставление указанных подходов показывает, что решающим водоразделом выступает не техническая сложность системы как таковая, а вопрос о сохранении человеческого творческого начала в процессе создания результата. Именно поэтому позиция о принадлежности авторских прав лицу, создавшему результат, представляется наиболее убедительной, но только в том случае, если под «созданием» понимается не механический запуск генерации, а формирование охраняемого результата посредством творческого труда. Такая трактовка позволяет сохранить антропоцентрическую основу авторского права и одновременно избежать правового вакуума в отношении результатов, созданных при помощи нейросетей [2, с. 32–40; 4, с. 131–139].

Принцип контролируемого творчества как критерий разграничения охраняемого результата и автономной генерации

В настоящем исследовании для целей аргументации используется не формальное перечисление отдельных признаков, а более общий доктринальный стандарт – принцип контролируемого творчества. Его значение состоит в том, чтобы установить, в каких случаях нейросеть действительно выступает инструментом реализации человеческого замысла, а в каких – результат формируется преимущественно автономно и потому не может автоматически признаваться охраняемым произведением. Данный принцип не направлен на конструирование новой разновидности «электронного авторства», а служит средством выявления творческого вклада человека, определяющего правовой режим созданного результата.

Принцип контролируемого творчества включает четыре взаимосвязанных элемента. Во-первых, творческий вклад: наличие у конкретного лица замысла, концепции, стилистической рамки и смыслового задания будущего результата. Во-вторых, контроль процесса: постановка задачи, выбор параметров, анализ промежуточных вариантов, их отклонение либо доработка. В-третьих, оригинальность результата: в итоговом объекте должна распознаваться индивидуальная интеллектуальная форма, а не случайная статистическая выдача модели. В-четвертых, сложность запроса и итеративность: данный элемент сохраняет значение, но только в доказательственном измерении, поскольку сам по себе детализированный запрос еще не тождествен творчеству.

Именно здесь следует специально подчеркнуть, что сложность запроса не должна рассматриваться как самостоятельный юридический критерий авторства. Детализированный запрос действительно может свидетельствовать о наличии интеллектуального усилия, однако без последующего контроля, отбора и творческой обработки он не гарантирует возникновения охраняемого произведения. И наоборот, относительно лаконичный запрос в сочетании с последующей глубокой доработкой может выступать лишь частью сложного творческого процесса. Следовательно, значение имеет не текст запроса сам по себе, а реконструируемая связь между человеческим замыслом и окончательной формой результата.

Предлагаемый стандарт получает подтверждение и в зарубежной практике. Обсуждение проблематики ИИ в США, Китае и в профессиональных объединениях авторов показывает, что право готово учитывать результаты генерации лишь там, где можно установить интеллектуальные усилия человека и сохранение человеческого контроля над процессом создания результата. Иными словами, и зарубежное регулирование, и современная доктрина в конечном счете возвращаются к одной и той же исходной точке: нейросеть может усложнить творческий процесс, но не заменить автора [13, p. 354–364; 14, p. 536–543].

С цивилистической точки зрения принцип контролируемого творчества позволяет избежать двух крайностей: фиктивного признания автором любого пользователя нейросети и столь же фиктивного отрицания авторства всякий раз, когда в процессе использован генеративный инструмент. Его ценность заключается в том, что он возвра-

щает дискуссию к базовой категории творческого труда и делает возможной проверяемую оценку человеческого участия в каждом конкретном случае [3, с. 104–110; 7, с. 52–54].

Правовая защита результата, ответственность и договорное оформление

Если результат, созданный с использованием нейросети, отвечает требованиям охраноспособности и в нем распознается творческий вклад конкретного лица, такой результат может включаться в обычную договорную цепочку в составе мультимедийного продукта. В этом случае подлежат применению уже известные гражданско-правовые конструкции: служебное произведение, заказ, отчуждение исключительного права, лицензионный договор. Следовательно, проблема состоит не столько в отсутствии инструментов оборота, сколько в правильной квалификации самого результата генерации и в фиксации человеческого участия в его создании.

Не менее важным является вопрос гражданско-правовой ответственности. На наш взгляд, в сфере мультимедийных продуктов недопустимо абстрактно возлагать ответственность либо только на пользователя, либо только на разработчика модели. Распределение должно зависеть от характера контроля и от источника нарушения. Если пользователь формирует запросы таким образом, чтобы воспроизвести конкретного персонажа, чужую художественную манеру, охраняемый визуальный образ либо иной индивидуализированный результат, а затем включает полученный контент в коммерческий мультимедийный продукт, именно он должен рассматриваться как основной нарушитель. Если же проблема коренится в устройстве самого сервиса, особенностях обучения модели либо в договорных гарантиях провайдера, вопрос об ответственности может ставиться и в отношении поставщика соответствующей технологии [7, с. 51–54].

В этой части показателен и зарубежный опыт регулирования творческих индустрий. Так, дискуссия, развернувшаяся в Соединенных Штатах Америки в ходе переговоров Writers Guild of America, наглядно продемонстрировала, что профессиональное сообщество исходит из недопустимости подмены автора машинной генерацией и из необходимости прозрачности при использовании ИИ-материалов в сценарной работе. Для российского права важен не трудовой аспект как таковой, а сам ориентир: даже в тех сферах, где нейросетевые инструменты используются наиболее активно, исходной остается автороцентричная модель результата.

Отсюда вытекают и практические рекомендации для договорной архитектуры. В соглашениях с художниками, сценаристами, композиторами, техническими специалистами и подрядчиками, использующими нейросети, целесообразно прямо закреплять обязанность документировать процесс генерации: указывать модель, ее версию, дату использования, параметры, исходные запросы, историю итераций, сведения о последующей ручной доработке. В договорах с внешними AI-сервисами оправдано предусматривать гарантии коммерческого использования результата, заверения о правомерности источников обучения, правила распределения риска на случай предъявления претензий третьих лиц и порядок внутренней проверки сгенерированного контента перед включением его в конечный мультимедийный продукт.

Для студий, создающих мультимедийные продукты, особенно важно разграничивать авторство на конечный результат и принадлежность исключительных прав в рамках внутренней производственной цепочки. Организация, разработавшая нейросеть, не становится автором лишь в силу технологического вклада. Равным образом работодатель или заказчик получают права не потому, что нейросеть была создана внутри компании, а потому, что соответствующий результат включен в существующие конструкции служебного произведения, заказа, отчуждения исключительного права либо лицензионного договора. В этой части действующее гражданское законодательство уже содержит необходимые инструменты; проблема состоит в их корректном применении к новым цифровым способам создания результата.

Заключение

Таким образом, современная доктрина действительно знает по меньшей мере три базовых подхода к вопросу авторства при использовании искусственного интеллекта: отрицание возникновения авторских прав на автономный результат; закрепление прав за организацией, разработавшей либо организовавшей функционирование нейросети; признание авторских прав за лицом, которое создало конечный результат. Кроме того, прослеживаются дополнительные модели, связанные с человеческим соавторством и специальными, неавторскими режимами охраны.

Наиболее обоснованным является именно третий подход, однако он нуждается в строгом доктринальном уточнении. Автором может признаваться не любой пользователь, воспользовавшийся нейросетью, а только лицо, которое посредством творческого вклада и контролируемого участия сформировало охраняемый результат. Именно поэтому ключевое значение получает принцип контролируемого творчества. В нем

выражается и антропоцентрическая основа авторского права, и практическая потребность цифровой индустрии в предсказуемых правилах оборота результатов генеративного ИИ.

В конечном счете нейросеть в составе мультимедийного продукта должна рассматриваться как средство ускорения и усложнения творческого процесса, но не как субъект, способный вытеснить автора из самой конструкции авторского права. Пока правопорядок сохраняет связь между охраной и человеческим творчеством, он сохраняет и внутреннюю системность. Именно эта системность, а не технологическая эффектность, должна оставаться исходным ориентиром для дальнейшего развития регулирования.

Список литературы:

[1] Калятин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50.

[2] Василевская Л. Ю. Искусственный интеллект и право // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С. 32–40. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040.

[3] Борисова Л. В. О понятии искусственного интеллекта и правовом режиме произведений, созданных им без творческого участия человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8. С. 100–113. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.100-113.

[4] Зыков С. В. Проблема субъектности искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 2. С. 131–139. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.131-139.

[5] Каштанова П. А. Перспективы правовой охраны произведений, создаваемых с использованием искусственного интеллекта в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 1 (39). С. 120–132.

[6] Милюков С. А. Объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта как объекты авторских и смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1 (47). С. 63–73. DOI: 10.58741/23134852_2025_1_1.

[7] Ситдикова Р. И. Правовое регулирование отношений по использованию технологий искусственного интеллекта при создании аудиовизуальных произведений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 3 (49). С. 51–54. DOI: 10.58741/23134852_2025_3_4.

[8] Кантемиров Р. М. Критерии возникновения соавторства при создании произведений с использованием генеративного искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 6. С. 97–110. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.097-110.

[9] Гюльбасарова Е. В. Перспективы охраны объектов, созданных технологиями искусственного интеллекта, в рамках интеллектуального права // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 10. С. 96–104. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.179.10.096-104.

[10] Котенко Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт. Москва : Проспект, 2013. 144 с.

[11] Моргунова Е. А. Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Москва : Юрайт, 2012. 315 с.

[12] Дозорцев В. А. Авторские права на фильм как сложное многослойное произведение // Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации : сборник статей. Москва : Статут, 2005. С. 143–170.

[13] Fritz J. Understanding authorship in Artificial Intelligence-assisted works // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2025. Vol. 20. Iss. 5. P. 354–364. DOI: 10.1093/jiplp/jpae119.

[14] Selvadurai N., Matulionyte R. Reconsidering creativity: copyright protection for works generated using artificial intelligence // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2020. Vol. 15. Iss. 7. P. 536–543. DOI: 10.1093/jiplp/jpaa062.

References:

[1] Kalyatin V.O. Opredelenie sub”ekta prav na rezul’taty intellektual’noy deyatel’nosti, sozdannye s ispol’zovaniem iskusstvennogo intellekta [Determining the right holder of intellectual outputs created using artificial intelligence] // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 24–50. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50. (In Russ.)

[2] Vasilevskaya L.Yu. Iskusstvennyy intellekt i pravo [Artificial intelligence and law] // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]. 2023. No. 5 (105). P. 32–40. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040. (In Russ.)

[3] Borisova L.V. O ponyatii iskusstvennogo intellekta i pravovom rezhime proizvedeniy, sozdannykh im bez tvorcheskogo uchastiya cheloveka [On the concept of artificial intelligence and the legal regime of works created by it without human creative participation] // Aktual’nye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. 2024. Vol. 19. No. 8. P. 100–113. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.100-113. (In Russ.)

[4] Zykov S.V. Problema sub”ektnosti iskusstvennogo intellekta [The problem of legal subjectivity of artificial intelligence] // Aktual’nye problemy rossi-

yskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. 2024. Vol. 19. No. 2. P. 131–139. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.131-139. (In Russ.)

[5] Kashtanova P.A. Perspektivy pravovoy okhrany proizvedeniy, sozdavaemykh s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta v Rossii [Prospects for legal protection of works created using artificial intelligence in Russia] // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam [Journal of the Intellectual Property Rights Court]. 2023. No. 1 (39). P. 120–132. (In Russ.)

[6] Milyukov S.A. Ob"ekty, sozdannye s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta kak ob"ekty avtorskikh i smezhnykh prav [Objects created using artificial intelligence as objects of copyright and related rights] // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam [Journal of the Intellectual Property Rights Court]. 2025. No. 1 (47). P. 63–73. DOI: 10.58741/23134852_2025_1_1. (In Russ.)

[7] Sitdikova R.I. Pravovoe regulirovanie otnosheniy po ispol'zovaniyu tekhnologiy iskusstvennogo intellekta pri sozdanii audiovizual'nykh proizvedeniy [Legal regulation of relations involving the use of artificial intelligence technologies in the creation of audiovisual works] // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam [Journal of the Intellectual Property Rights Court]. 2025. No. 3 (49). P. 51–54. DOI: 10.58741/23134852_2025_3_4. (In Russ.)

[8] Kantemirov R.M. Kriterii vozniknoveniya soavtorstva pri sozdanii proizvedeniy s ispol'zovaniem generativnogo iskusstvennogo intellekta [Criteria for the emergence of co-authorship in the creation of works using generative artificial intelligence] // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. 2025. Vol. 20. No. 6. P. 97–110. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.097-110. (In Russ.)

[9] Gyul'basarova E.V. Perspektivy okhrany ob"ektov, sozdannykh tekhnologiyami iskusstvennogo intellekta, v ramkakh intellektual'nogo prava [Prospects for protecting objects created by artificial intelligence technologies within intellectual property law] // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law]. 2025. Vol. 20. No. 10. P. 96–104. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.179.10.096-104. (In Russ.)

[10] Kotenko E.S. Avtorskie prava na mul'timedi-ynyy produkt [Copyright in a multimedia product]. Moscow: Prospekt, 2013. 144 p. (In Russ.)

[11] Morgunova E.A. Zashchita prav na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti i sredstva individualizatsii [Protection of rights to intellectual outputs and means of individualization]. Moscow: Yurayt, 2012. 315 p. (In Russ.)

[12] Dozortsev V.A. Avtorskie prava na fil'm kak slozhnoe mnogosloynoe proizvedenie [Copyright in a film as a complex multilayered work] // Intellektual'nye prava: ponyatie, sistema, zadachi kodifikatsii [Intellectual rights: concept, system, and codification tasks]. Moscow: Statut, 2005. P. 143–170. (In Russ.)

[13] Fritz J. Understanding authorship in Artificial Intelligence-assisted works // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2025. Vol. 20. Iss. 5. P. 354–364. DOI: 10.1093/jiplp/jpae119.

[14] Selvadurai N., Matulionyte R. Reconsidering creativity: copyright protection for works generated using artificial intelligence // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2020. Vol. 15. Iss. 7. P. 536–543. DOI: 10.1093/jiplp/jpaa062.

